

Марьина О.В., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ВСТАВКА КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС СЛИЯНИЯ И РАСЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА

В современной русистике вопрос о вставках решается по-разному. Одни исследователи сопоставляют вводные и вставные конструкции (А.И. Аникин, В.В. Бабайцева, Ю.М. Златопольский и др.); другие определяют функций вставок в тексте (Г.Н. Акимова, Н.С. Валгина, В.Т. Гневко, Е.Ю. Иванова, Н.П. Перфильева, Ю.Г. Полякова, В.А. Шаймиев и др.); третьи – определяют вставные конструкции как одно из средств выражения в тексте авторского «я» (Н.С. Валгина, В.П. Вомперский, И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, Н.А. Николина, В.В. Одинцов и др.). Именно благодаря данным синтаксическим структурам говорящий поясняет, в каком отношении к более широкому контексту речи находится содержание данного предложения, отдельное замечание и др. [1, с. 97].

В последние 15-20 лет в лингвистической литературе вставные конструкции рассматриваются как конструкции, создающие расчленение текста (Г.Н. Акимова, В.П. Малащенко, Е.А. Покровская, О.О. Скоробогатова, О.М. Юрченко и др.). О том, что вставка процесс дезинтеграции, мы отмечали ранее [2, с. 61-67; 3, с. 88-105].

По мнению Е.А. Покровской [4, с. 216-227], вводные и вставные конструкции, подобно парцелляции и неграмматическому обособлению, создают расчлененность текста. Являясь средством выражения субъективной модальности, они могут способствовать интимизации повествования. Ту же функцию интимизации выполняют вставки, имитирующие спонтанность формирования и выражения мысли, ассоциативное мышление. Все это способствует созданию дисгармоничной картины мира, алогичного интуитивного постижения, интимизации текста.

Мы рассматриваем вставку как синтаксический процесс, который создается взаимодействием вставного компонента и компонента, его включающего.

Вставной компонент – это вставная конструкция, включенная во фрагмент текста.

Включающий компонент – это фрагмент текста, содержащий вставную конструкцию [5, с. 201].

Фрагменты, русских художественных текстов, созданных в 1980-е – 2000-е гг., в которых имеются вставные конструкции, мы использовали в качестве материала исследования. Анализ фактологического материала позволяет судить о том, что взаимодействие вставного и включающего компонентов может быть различным.

Вставной и включающий компоненты могут тесно взаимодействовать, быть «продолжением» друг друга, иметь повторяющиеся элементы, находиться в сочинительной и подчинительной связи друг с другом. В этом случае взаимодействие включающего и вставного компонентов является показателем *слияния* текста.

На *слияние* элементов текста указывают следующие *формальные показатели*:

- сочинительные союзы: *Дорога была достаточно широка, чтобы на ней могли разъехаться два грузовика («Или колесницы, – радостно добавил голос, – колесницы четверками! Вот были колесницы!»)* («Generation «П»);

- подчинительные союзы и союзные слова: *Загадка (которой, возможно, и не было?) таилась в ее голосе – то высоком, почти писклявом, то глубоко, грудном, в ее удивительной фотогеничности – всякий раз по иному выглядела она на газетных снимках и в маленьких ролях, которые сыграла позже, оставив работу, в нескольких фильмах, не обнаружив, правда, особенного актерского дарования* (О. Михайлов «Час разлуки»). Вставные компоненты не диссонируют с фрагментом текста, а содержат в себе

дополнительную информацию к имеющейся во включающем компоненте и передают отношение к описываемой ситуации;

- лексический повтор (повтор формы слова): *Поэтому-то и наш Лева – тип, несмотря на свою принадлежность к вымершей породе. (Любопытно, что вплоть до настоящего времени, и, судя по литературе, особенно после революции, распространилось в просторечии слово «тип» и даже словечко «типчик» в отношении людей, как нам кажется, особенно легко поддающихся формированию времени)* (А. Битов «Пушкинский дом»). Лексический повтор оценивается специалистами в области исследования текста (Л.Г. Бабенко, Г.Я. Солганик, Ю.В. Казарин, А.Ф. Папина, Е.А.Покровская и др.) как одно из основных средств его связности, а не расчлененности. В данном случае значение объединения «приглушается», т.к. лексический повтор заключен во вставном компоненте, представляющем собой самостоятельное предложение, имеющее законченную интонацию, и связанном с включающим не структурно, а по смыслу;

- вставной компонент может включать в свой состав часть включающего компонента, его содержащего: *Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух рабочих в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что ни дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных расстрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз* (В. Пелевин «Вести из Непала»). Второй вставной компонент – один из однородных членов (первый находится во включающем компоненте: *горячо обсуждавших на ходу какое-то дело*). Примечательно то, что показатели осложнения предложения (и вставные конструкции, и обособленное определение) не связаны с основной сюжетной линией рассказа.

На слияние текста указывают следующие *неформальные показатели*:

- вставные компоненты передают невербализованные мысли, чувства, наблюдения героя, рассказчика и при этом не отличаются от включающего компонента ни типом повествования, ни эмоциональной, ни стилистической окраской: *Северный город, куда меня распределили – мне выпал город, что уж тут поделаешь, я вела себя честно, – был не так уж мал, за двести тысяч жителей, и учителей литературы там хватало* (А. Лиханов «Благие намерения»). Повествование ведется от лица рассказчицы, вставная конструкция дополняет информацию, имеющуюся во фрагменте текста;

- вставные компоненты могут иметь иную стилистическую, эмоциональную окраску, чем включающие их компоненты, но при этом не отличаться от них формой повествования: В таком случае связь между компонентами также тесная: *Наши бизнесмены (гады, заразы, кровопийцы), фермеры (у, паразит, развел свиней под самым носом, когда я как раз на бугре с поллитрой расположился, птиц послушать), врачи (знаем! им только взятки брать да коньяк трескать!), банкиры (нахапает денег и бежать), ученые (от этих просто трясет, не знаю почему, но, право, трясет!)* (Т. Толстая «Вопуог, mouyik! Pochiol von!»). Без вставных компонентов смысл включающего компонента не ясен: *Наши бизнесмены... фермеры... врачи... ученые.*

- значение присоединения: *Посредине такой черноты стен, потолка, пола и воздуха, что даже лампа ее не рассеивала, в центре, словно принявшая в себя всю слабую силу керосинового пламени, висела, или вернее, парила икона, а лик на ней (что и привело Селиванова в онемение) был писаной копией того, кто впустил его в дом и кто был некогда Иваном Рябининым* (Л. Бородин «Третья правда»). Вставной компонент зависит от включающего компонента: вводится относительным местоимением (*что*) и содержит дополнительную информацию.

При *расчленении* текста между вставным и включающим компонентом не наблюдается никаких формальных показателей. В этом случае взаимодействие включающего и вставного компонентов является показателем *расчленения* текста.

На расчленение элементов текста указывают следующие показатели:

- вставной компонент отличается от включающего компонента событийно-временным планом повествования: *Дело было в середине семидесятых, и, – кто помнит, – еда в Ленинграде была, хоть звался город не так роскошно, как нынче. (Но, по закону Ломоносова – Лавуазье, все правильно: в одном месте отнимется, в другом прибавится.)* (Т. Толстая «Вот тебе, баба, блинок!»). Отступление повествователя содержит и обращение к читателям, и дополнительную информацию, и размышления говорящего. При этом основное повествование протекает в прошедшем времени, а вставной компонент – в настоящем и будущем времени;

- вставной компонент содержит отступления-размышления повествователя, не совпадающие по времени с основным повествованием: *Он и сначала не очень-то приветствовал поездку Артемиды совместно с ним и смирился с этим как с тем обстоятельством, что непорядочно будет ссаживать ее со своего самолета, некрасиво и невежливо. (Вспомним ту характерную особенность Андриюши, что на первый раз – так и быть – он позволял садиться себе на шею, но только на первый раз, словно бы для того, чтобы посмотреть, что будет.)* (Л. Петрушевская «Смотровая площадка»);

- вставной компонент вводит новый речевой слой: *Люди ставили жестокие эксперименты: посреди разговора вдруг нарочно матерились в ее присутствии, вгоняя ее в краску и заставляя обратиться в испуганное бегство («Ага! Знает!»)* (Т. Толстая «Анастасия, или жизнь после смерти»). Вставной компонент заключает в себе эмоциональные реплики тех, кто хотел, пытался вывести «великую Княгиню» на чистую воду;

- вставной компонент может состоять более чем из одной синтаксической единицы, отличающейся от включающего компонента формой повествования, стилистической и эмоциональной окраской. В этом случае разъединение компонентов в процессе усиливается. Например: *Пошла к психологу. (У нас бы она пошла к подруге, и подруга ей, наверное, сказала бы: а на что ты, милая моя, с такой фигурой считаешься? Кончай пьянство, садись на диету, не шатайся по значным местам: мужья там не водятся...)* (Т. Толстая «Золотая середина»). Вставной компонент – это несколько самостоятельных предложений, включающих и вводное слово «наверное» и свободную прямую речь: «... сказала бы: а на что ты, милая моя, с такой фигурой считаешься? Кончай пьянство, садись на диету, не шатайся по значным местам: мужья там не водятся...». Вставной компонент появляется не в предложении, а в большем контексте, является составляющим сложного синтаксического целого и участвует вместе с контактирующим с ним предложением в создании «ситуации контраста»;

- вставной компонент осложнен: *Благоприятное стечение обстоятельств: встреча на вокзале, немедленный отъезд Анфилогова (в квартиру его сразу же вселилась приехавшая на сессию племянница-студентка, очень цепкая девица с люминесцентным маникюром и подвижными бедрышками, от которой Крылов едва увернулся)* – дало им возможность сразу оторваться от реальной жизни, где оба они играли обыкновенные роли и были обыкновенными людьми (О. Славникова «2017»). Вставной компонент представляет собой сложноподчиненное предложение, главная часть которого осложнена обособленным приложением (*очень цепкая девица с люминесцентным маникюром и подвижными бедрышками*). В данном случае вставная конструкция заключает в себе новую историю, а не дополняет фрагмент текста.

- вставной компонент совпадает с абзацем: *Отбыл восвояси и Андрей, у него были отгулы, у него всегда было полно отгулов, поскольку он, как человек холостой и одинокий, отправляем был то на овощебазу в субботу, то на картошку осенью, то на сено в июле...*

(Люди по-разному устраиваются со своим отдыхом – сделаем отступление от сюжета еще раз: одна женщина двенадцатикратно в год, то есть каждый божий месяц, ходит сдавать кровь – бесплатно, но за отгул, и к бессильной злобе своего начальника уезжает каждую весну в Домбай кататься на горных лыжах, сиречь на

своей крови, и сам черт ее не берет ни там, ни здесь, а кто-то должен за нее эти двенадцать дней вкалывать – ведь работа не стоит!) (Л. Петрушевская «Смотровая площадка») Выделение нового абзаца традиционно связано с новизной информации, ее важностью в масштабах всего текста, невозможностью дальнейшего представления новых сведений, заключенных в данном предложении, из-за логической несовместимости их с предыдущим предложением. При помощи абзаца выделяются наиболее значимые в структуре целого текста группы предложений, содержащие описание нового этапа в развитии действия, характеристику нового героя, авторское отступление (как в приведенном примере) и др.

Вставка может взаимодействовать с другими синтаксическими процессами.

Так, при взаимодействии интеграционного процесса конструирование чужой речи и вставки не представляется возможным установить, какой процесс (слияние или расчленение) преобладает. Например: *Василий Петрович, небрежно, будто на вешалку, набросив себе на голову тряпичную кепчонку (все-таки в нем ощущался аристократ и профессор философии), повел свой маленький отряд через промозглый туннель, занятый табором приехавших на заработки азиатских нищих, уже поставивших под жидкий монетный дождик (профессионально чувствуя, где именно протекает здешняя крыша) выдавшие виды коробки из-под жвачки* (О. Славникова «2017»). Вставные компоненты (*все-таки в нем ощущался аристократ и профессор философии; профессионально чувствуя, где именно протекает здешняя крыша*) являются чужеречными компонентами, включающий компонент – авторским компонентом.

О смещении слияния и расчленения мы говорим и в том случае, когда вставной – чужеречный компонент и включающий – авторский компонент различаются целевой установкой и эмоциональной окрашенностью. Например: *Однако время, дней пять, что ли, это тянулось, ему до такой степени осточертевает Михайлов (сидеть с туповатым типом нос к носу и ждать, пока туповатая поэтесса оценит, кто из вас лучше, – о господи!), что Стрепетов и впрямь думает – а не жениться ли? – в конце концов он делал и делает со своей жизнью что хочет; куда хочет, туда себя и швыряет, а здоровья смрадными каплями все равно сбережешь немного* (В. Маканин «Отдушина»).

Появление вставки в одном из интеграционных процессах не дает возможности точно установить, что преобладает – слияние или расчленение. Например: *1. Прибавьте к нарисованной картине еще горные реки, с шумом (так и хочется сказать: с хрустальной торжественной музыкой) сбегаящие в Байкал, к которым мы раз за разом спускались испробовать водицы и посмотреть, с каким таинством и с какой самоотверженностью вливаются они в общую материнскую воду и затихают в вечности; прибавьте сюда еще частые тоннели, аккуратные и со вкусом отделанные, кажущиеся естественными, которых здесь немного меньше, чем километров по этой дороге, и над которыми то торжественно и строго, то причудливо, словно с только что окончившей игру вольностью, высятся скалы* (В. Распутин «Байкал, Байкал...»). Вставной компонент интеграционного процесса усложнения сложного предложения содержит уточнение повествователя относительно того, о чем сообщается во включающем компоненте (интеграционный процесс – усложнение сложного предложения, дезинтеграционный процесс – вставка).

2. Роль трудная, под конец ему все больших усилий стоило удерживать себя, сам себя за горло держал, иногда полузадушенный вскрик послышится – одиночество («Никого у меня не осталось, и уже не приобрести»), неуверенность («Хотел бы знать, что Вы думаете, читая это письмо?») (Д. Гранин «Еще заметен след»). Вставной компонент полностью совпадает с чужеречным компонентом.

Вставка может взаимодействовать с дезинтеграционными процессами. При этом быть одним из двух дезинтеграционных процессов (*А без этого, без этой своей пайки любви у Одоевцевых – отдай и не греши, – могло и надоест дяде Мите быть за всех: и за секретного Левиного отца, и за бескорыстного обожателя матери, и за Левиного*

деда (как модель), и за отца – отцу (и это было отчасти, что Лева понял потом, позднее...) – и дядя Митя перестал у них бывать) или входить в состав большего количества процессов (**В психушке не было ни одного Александра Македонского, ни Наполеона, ни им подобных.**)

Есть притча об Александре Македонском – будто бы разбил он какой-то красивый предмет, кажется, амфору. Он бросил на пол прекрасную хрупкую вещь только потому, что не смог взять ее с собой в долгий поход: в походных условиях рано или поздно амфора разбилась бы, а ведь он-то уже ее полюбил бы и свыкся. Македонский опередил свою жалость: не захотел любить – не захотел терять. Он не был исключителен, юный завоеватель, так как в известном смысле все люди похожи на него: мы именно так живем, отбрасывая, а то и разбирая прошлое, – легкие, мы ходим в свои походы, едим, пьем, пока не хватимся и **не завопим: утрата, ах, утрата!** (В. Маканин «Утрата»). В первом случае вставной компонент, завершающийся нерегламентированным знаком, передает соображения героя относительно того, как складываются отношения в его семье, его мысли, которые не оставят его и в дальнейшем (*Лева понял потом, позднее...*). Во втором примере три дезинтеграционных процесса: абзацное членение, вставка и синтаксическая импликация (указание на отсутствие регламентированных знаков препинания при оформлении прямой речи). Компоненты двух первых из них: начальный абзац и вставной компонент имеют непосредственное отношение к повествованию, тогда как заключительный абзац – это лирическое отступление повествователя. Вставка, взаимодействуя с другими дезинтеграционными процессами, усиливает расчлененность текста.

Таким образом, отнесение вставки к синтаксическому процессу слияния или расчленения зависит от

- наличия / отсутствия формальных средств связи между вставной конструкцией и фрагментом текста;
- смысловой и структурной полноты / неполноты вставного и включающего компонентов;
- совпадения / несовпадения вставного и включающего компонентов по типу повествования, эмоциональной и стилистической окраске;
- единичности / множественности вставных компонентов в компоненте включающем;
- структуры вставного компонента.

При взаимодействии вставки с интеграционными процессами (усложнение сложного предложения, конструирование чужой речи) не представляется возможным определить, какой из процессов (слияние или расчленение) преобладает. В том случае, когда вставка взаимодействует с дезинтеграционными процессами, расчлененность фрагментов текста усиливается.

Библиографический список

1. Алгазина, Т.С. Об особенностях употребления вводно-союзных компонентов со значением обобщения / Т.С. Алгазина // Русский язык в школе. – 1994. – №2. – С. 97-100.
2. Марьина О.В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-х – 2000-х годов) // Филология и человек. – Барнаул, 2009. – №4, с. 61-67.
3. Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. / Монография. – Барнаул, 2011, с. 88-105.
4. Покровская, Е.А. Русский синтаксис в XX веке / Е.А. Покровская. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2001б. – 436 с.
5. Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. : дис. ... докт. филол. наук / О.В. Марьина. – Барнаул, 2012. – 387 с.